
ФИЛОСОФИЯ

Л. С. Сысоева

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ РОССИИ XX ВЕКА

Томский государственный педагогический университет

Современное состояние России представляет собой процесс отступления от тоталитарного общества, движения к общецивилизационному руслу. Процесс весьма драматический со многими трагическими коллизиями. Характерен он и для системы образования, а соответственно и воспитания настолько, насколько в образовании формируется личность.

Тоталитарная система образования, сформированная в России XX в., базировалась на принципах идеологической и ценностной самодостаточности и превосходства. Она жестко закрыта миру иных культурных ценностей, всему, что выходит за рамки государственной официальной идеологии. В этой системе создаются образы врагов и воспитывается нетерпимость к ним как чуждым, вредным, политически опасным (например, «пятиминутки ненависти» Дж. Оруэлла, собрания партийных коллективов, осуждающих «вредителей»).

Однако за колючей проволокой, «в кругу первом» сталинского ГУЛАГа «вредители» доказывали свою невиновность колоссальными усилиями научного подвижничества, зачастую мирового значения. «Шарапки» сталинских застенков к 50-м гг. имели выдающихся засекреченных специалистов, а к 60-м страна совершила прорыв в космос. Но это был апогей концентрации мозгов за железным занавесом. Вместе с падением режима прекратился и триумф гениального напряжения интеллектуального рабства. Так, впрочем, чудовищными усилиями физического труда узников «социалистического лагеря» создавались незабываемые достижения пятилеток. Это была обратная сторона медали сталинских достижений. Однако триумф самой образованной страны в мире на этом оборвался.

Во всех тоталитарных системах, в том числе в советской, прокатились волны борьбы с космополитизмом как борьбы с иными мирами культуры, разрушавшими полноценность системы образования, нацеленной на замкнутость, самодостаточность, что вскоре обернулось технической, технологической, художественно-дизайнерской, архитектурной отсталостью, отсутствием сервисного

общества вообще, кроме сервиса партийно-бюрократических привилегий.

Тоталитарная система образования и воспитания (воспроизводства человека в этой культуре) выразилась в ее закрытости не только внешнему миру культуры, но и своему прошлому. Из культурной среды и исторического движения изымаются целые пласты, происходит декультуризация общества и его системы образования [5, с. 63]. Это выражается и в том, что толкование истории происходит по предписанной идеологической схеме, одобряются тоталитарные явления прошлого, которые и предстают как образы преемственности и связи поколений. «С тоталитарной точки зрения историю надлежит скорее творить, чем изучать... всякий значительный поворот в политике сопровождается соответствующим изменением в учении и переоценками видных исторических деятелей» [3, с. 278].

Распад тоталитарных систем и характеризуется возвращением исторической памяти в образовании, интересом к истории, духовному наследию, о чем свидетельствует и наше российское настоящее, хотя и это состояние тоже нельзя представлять однозначно, поскольку появляются свои издержки всплеска исторической памяти по тоталитарным временам. Еще одним примечательным явлением тоталитарной системы образования является воспитание любви, фанатичной преданности и поклонения лидеру (отцу всех народов, старшему брату, родному правительству). Тоталитарная система образования внедряет предписанную любовь, контролирует ее, рождая чувство страха, мотивированное боязнью сбиться с очередного «верно выбранного курса». Освобождение от тоталитарной системы в образовании сопровождается отказом «от господства двоемыслия, нажитого одновременно догматическим стилем мышления, образов внутреннего и внешнего врагов, от неизбежности замены капитализма социализмом, официального единомыслия» [7, с. 6].

Как показал опыт истории, особенно XX в., для всякой тоталитарной системы характерна поста-

новка сверхцели. Сверхцель бывает различна в зависимости от экономических условий, исторических и культурных традиций, психологических особенностей народа, сложившихся идеологических ориентаций.

Трансформируясь в сверхзадачи во властных тоталитарных структурах, сверхцель выступает то как построение общества культурной и расовой чистоты (итальянский фашизм, немецкий национал-социализм), то как создание бесклассового, бестоварного, распределительно-уравнительного коммунизма (советский социализм), то как мировая коммунистическая революция (троцкизм, маоизм, дунизм), то как иранский панисламизм, то как создание высокотехнической цивилизации, побеждающей цивилизации других планет (в научной фантастике).

Все перечисленные выше особенности жизни тоталитарного общества центрируются в великой идее - сверхцели, а система образования и воспитания выступает базой ее трансляции и основой реализации. Надо сказать, что поведенческий «синдром Павлика Морозова» доказывает психологическую успешность такой реализации, начиная с младших классов школы. Творцы сверхзадач держат эти каналы образования и воспитания (которое шире образования как социокультурное воспроизводство человека) под жестким контролем. Сверхцель построения коммунистического общества пронизывала долгие годы систему советского образования и воспитания, о чем знала даже «маленькая Вера».

Во многом эта сверхцель поддерживалась революционным романтизмом, что не помешало ей превратиться в тоталитарную идеологию, мотивирующую образовательно-воспитательную систему формированием «нового человека». Это был один из главнейших мифов советской тоталитарной системы и ее политики в области образования и воспитания. Благодаря этому мифу, «социализм обычно представляли себе как некую либеральную систему, одухотворенную высокой моралью» [3, с. 244].

На первый взгляд кажется, что цели общецивилизационной демократической системы образования тоже представлены абстрактными социальными мифами. Однако такие цели, как открытость мировому сообществу, единство национальных целей, высокий профессионализм, воспитание социальной ответственности, установка на планетарное сознание имеют лишь кажущееся сходство. Цели демократических систем поддаются осмыслению с точки зрения мирового общественного развития, обладают научной аргументированностью. Сверхцелей же ни одно общество ставить не может, потому что история не осуществляет заранее сконструированных проектов типа идеального государства Платона, гегелевского государства мирового разума, коммунистического

светлого будущего и т. п. История – это открытый институциональный процесс. Исторические [4] проекты закрытости сверхцелями заканчивались тоталитаризмом, в том числе религиозным, т. е. несвободой, подавлением, подчинением личности, насилием. «Жутко взирать на то, как обманчивая вера в тотальное планирование, которое возникает на почве подлинного идеализма, заставляет человека посредством его деятельности все глубже шаг за шагом погружаться именно в то, что он стремился преодолеть, - в нужду, несвободу, беззаконие» [8, с. 204].

Демократизм заключается в открытости видения будущего, что является условием свободы. «Спекулятивное размышление о будущем – отнюдь не постижение однозначной возможности, а проникновение в сферу открытых возможностей и вероятностей» [8, с. 201].

Однако как реакция на сверхцели тоталитарного общества возникали также антидемократические ложные ценности и установки в западных либеральных системах образования. Так, с середины XX в. в западной и особенно в американской системах образования возникший антикоммунизм оказывал разрушающее влияние на школу, так как способствовал размыванию общечеловеческих ценностей, служил стратегии войны, а не мира. Антисверхцели антикоммунизма оказали отчуждающее воздействие на обе системы образования - и тоталитарную, и демократическую, усиливая идеологическую борьбу.

Один из путей преодоления отчужденного состояния образования в России на рубеже XX-XXI вв. явно определился: это отказ от мифологии сверхцелей и возвращение образования к реальным жизненным задачам и целям. Кроме принятия таких общецивилизационных задач образования и воспитания, как высокий профессионализм и планетарное коэволюционное сознание, происходит отказ от жесткой идеологической борьбы, идеологии «государственного человека» (мое место там, куда партия пошлет), нивелирования индивидуального. Наконец, вместо тотального планирования, ставятся реальные цели создания системы образования, которая адаптирует молодежь к условиям рыночной экономики.

Такое образование преодолевает отчужденное отношение к труду, которое было характерно для экономики государственной, «общенародной» собственности, хотя отчуждение от труда связано не только с образованием, но и многими другими причинами.

Горькие плоды образования и воспитания «государственного человека», «коллективистской души», когда коллектив всегда прав, мы психологически потребляем и сейчас. Таким образом, воспи-

тантный коллектив оказывает по-прежнему тоталитарное воздействие на личность.

Черты тоталитарного образования и воспитания явственны в любом индустриальном и постиндустриальном обществах, но апогея тоталитаризма они достигли в России, вступившей на путь индустриализации («коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны»).

Разрушение такой системы образования и воспитания начинается с создания новой философии, избавляющейся от догматизма основного вопроса философии и проблематизирующей бытие в новых условиях жизни. Российская система образования отказалась от воспитания и образования мифического «нового человека» и ставит перед собой в этом плане общецивилизационные задачи становления спонтанной творческой и свободной индивидуальности в условиях институционализации демократии, преодоления отчуждения и конформизма (Э. Фромм, К. Поппер, К. Ясперс).

Однако российская система образования и воспитания, избавившись от сверхцелей и сверхзадач социальной мифологии, тем не менее вступает в XXI в. в трагические условия жесточайшего экономического кризиса, государственной несостоятельности, почти отсутствия бюджетного финансирования науки (0,3% валового внутреннего продукта). Россия пока не стала состоятельной демократической страной и, более того, стоит на грани потери государственного суверенитета, разрушения экономики и культуры. Выйдя из коммунистического тоталитаризма и его сверхцелей, российское развитие остановилось в сложившейся автократической системе властвования, тотальной преступности «ленинских кухарок» [6, с. 40].

Изменившееся коренным образом отношение к некогда «буржуазным наукам» - генетике, кибернетике, программированию – не гасит отсталости России в области новых технологий, развал экономики не прекращает «утечки мозгов», а недофинансирование вузов и школ оборачивается архаикой, технологической и материальной неоснащенностью учебного процесса.

Российский народ переживает в этих условиях стихийный процесс рыночной адаптации и выживания, к которым также приспособляются и вузовские программы. Создается много образовательных «пирамид», готовых рухнуть в любое время. «Большинство из них главной целью ставит – заработать, собрать деньги, не заботясь о качестве обучения» [2, с. 26]. Наиболее перспективны программы психологических механизмов адаптации, развития малого бизнеса, дополнительного образования, технологий предпринимательства, нового имиджа, этики делового общения, дизайна, маркетинга, рекламы.

Вследствие низкого жизненного уровня в России спрос на услуги высокого цивилизационного уровня, который характеризуется высокой модой, дизайном, применением разнообразных видов бытовой эстетики, косметики, высокохудожественной рекламной информации, невысок, элитарен. Но это не означает, что путь образования для развития сервисного общества в России не нужен. Наоборот, становление такого общества характеризуется развитием сферы обслуживания, торговли, малых предприятий, совершенствованием маркетинга, разнообразных форм городской архитектуры. В новых условиях адаптации к рыночной экономике некоторые классические специальности вузов могут приобретать дополнительный спрос, «перепрофилироваться» (косметолог, гувернер, визажист и т. д.). Так, специальность «Технология и методика трудового обучения», по которой готовятся учителя труда для школ, усиливает обучение художественным технологиям деятельности, способствуя занятости в иных сферах деятельности – предпринимательстве и малом бизнесе сферы обслуживания. В связи с этим необходимо наращивать потенциал в области обучения дизайну, декоративно-прикладным искусствам, художественным ремеслам, художественно-оформительской деятельности, поскольку именно с данными направлениями связаны гуманистические тенденции современной культуры цивилизованного общества.

Литература

1. Матис В.И. Социология образования и формирование личности. Барнаул, 1995. 182 с.
2. Мидуков В.З. Роль образовательных структур в развитии малого бизнеса // Специальное приложение к журналу «Формула успеха». Томск, 1997. Май. С. 25-26.
3. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. 378с.
4. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. В 2 т. М.- USA, 1992. Т.1. – 446 с., Т.2 – 526 с.
5. Приходько Д.М. Отчуждение и пути его преодоления. Дисс. в виде научного доклада ... д. ф. н. Томск, 1995. 71 с.
6. Сулакшин С. Измена. М.: Фрнд развития политического центризма, 1998. 113 с.
7. Сысоева Л.С. Новые смыслообразующие ориентиры массового сознания // Проблемы формирования общественного сознания в современных условиях. Томск. 1990. С. 6-7.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 528 с.